

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

**ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ПОЗНАНИЯ**

Москва
2015

УДК 94
ББК 63.3
П27

ISSN 2307-2725

Редакционная коллегия:

Хвостова К.В. (ответственный редактор), Гринченко С.Н.,
Финн В.К., Лабутина Т.Л., Кузьмина М.В. (ответственный секретарь)

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор Буданова В.П.
Доктор исторических наук, профессор Осинковский И.Н.

Проблемы исторического познания. Сб. статей / Отв. ред.
К.В. Хвостова. М.: ИВИ РАН, 2015. 335 с.

Ежегодник 2015 г. посвящен философским, теоретическим, методологическим и логическим проблемам исторического познания. Рассматриваются проблемы герменевтики и роли диалектики в историописании, общие проблемы социума в горизонтах социального бытия. В центре внимания дедуктивное и индуктивное моделирование в истории, теоретические проблемы применения математических методов в истории, специфика исторической методологии и её связь с современной неклассической научной парадигмой. Конструируется новая парадигма древнейшей истории человечества, в основе которой лежит анализ археологических данных. Анализируется роль исторического источника в историописании, характеризуется историко-сравнительный метод. Изучаются специфические черты функциональных ниш в истории.

©ИВИРАН, 2015

© Коллектив авторов 2015

Содержание

Хвостова К.В. Методология истории и ее связь с современной неклассической научной парадигмой	5
Микешина Л.А. Историческое знание в контексте герменевтики	22
Метлов В.И. Актуальность диалектики	47
Гобозов И.А. Историческая наука и реконструкция исторического прошлого	65
Табачков А.С. Социум в горизонтах бытия	81
Гринченко С.Н. Моделирование: индуктивное и дедуктивное	95
Щапова Ю.Л. Парадигмы в археологической науке	102
Кукарцева М.А. Инструменты исторической науки и феномен Human Security	113
Хвостова К.В. Некоторые теоретические проблемы применения математических методов при изучении отдалённого исторического прошлого	122
Шубин А.В. Метод функциональных ниш	136
Нехамкин В.А. Синергетика и современное историческое познание: возможности и пределы	150

Байгеева М.В.	
Нарративное понимание	171
Геворкян А.Р.	
Философия истории К.Маркса как перевёрнутая форма теологического сознания	187
Бобкова М.С. , <i>fatf-frcm</i> ^ к • \$ ' 	
Исторической источник в науке и медийной среде	210
Кузьмина М.В.	
Сравнительный метод в историческом знании (на примере нарративных источников Франции XIV-XV вв.)	223
Буллер А.	
Тело как объект (не)исторического исследования	242
Лабутина Т.Л.	
К вопросу об этнических стереотипах в Исторической имагологии: трансформация образа «чужого» в образ «врага»	257
Денежкина Е.	
Историко-философский анализ моделей государства, общества и глобальных систем как условие устойчивого развития	276
Калимонов И.К., Марьян П.Ю.	
Проблемы формирования исторической памяти в работах французского историка Марка Ферро	301
Сведения об авторах	331
Information about the authors	333

К.В. Хвостова

Методология история и ее связь с современной неклассической научной парадигмой*

Аннотация: Задача статьи состоит в изучении с^обых черт методологии исторической дисциплины. Автор изучает связи истории с современной неклассической научной парадигмой. В соответствии с этой парадигмой характеризуются сложные нелинейные системы, имеющие форму пространственно-временных исторических тенденций. Внимание автора сосредоточено на специфических чертах исторической науки, определяемых ролью в истории исторического источника и вниманием, уделяемым историком историческим событиям. Значительное место отводится изучению исторической аргументации. Рассматривается роль индукции в исторической науке. Статья включает проблемы, относящиеся к значению математических методов и неформализованных исторических концепций при изучении пространственно-временных исторических тенденций.

Ключевые слова: методология, неклассическая научная парадигма, пространственно-временные тенденции, исторический источник, событие, аргументация, математические методы в истории, индукция, каузальность.

К. V. Khvostova

Methodology of history and its connection with nonclassical scientific paradigm

Summary: The task of article consists in the study of particular features of methodology of historical discipline. The author examines the connection of history with the modern nonclassical scientific paradigm. In concordance with this paradigm the complex nonlinear historical systems having the form of temporal-place historical tendencies are characterized. The author's attention is focused on the specific features of history. They due to the role of historical sources in history and to the attention giving on the historical events. Considerable place is given to the problems relating to historical argumentation. The role of induction in historical science is considered. The article includes the problems relating to the importance of mathematical methods and of the nonformalized historical conception in the study of temporal space historical tendencies.

Keywords: Methodology, nonclassical scientific paradigm, space-temporal tendencies, historical source, event, argumentation, mathematical methods in history, induction, causality.

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-03-00008а.

Serensen G. The Transformation of the State. Beyond the myth of retreat Palgrave Macmillan, 2004.

Serensen E., Torfing J. Network governance and post-liberal democracy. Administrative Theory & Praxis. 2005.

Varsanyi M. W. From migrants to citizens: membership in a changing world: T. Alexander, Aleinikoff and Douglas Klusmeyer (eds) Carnegie Endowment for International Peace, 2004.

Weisbrot M., Montecino J. The IMF and economic recovery: is fiscal policy contributing to downside risks? //Centre for Economic and Policy Research, CEPR, Washington, DC, 2010.

Yoder A. The evolution of the United Nations system. London Taylor & Francis, 2007.

*И.К. Калимонов,
П.Ю. Марьин*

Проблемы формирования исторической памяти в работах французского историка Марка Ферро

Аннотация: Статья посвящена проблеме исторической памяти в работах французского историка Марка Ферро. В статье дается аналитический обзор его работ по данной теме. Констатируется, что официальная версия истории сама стимулирует историка к её критическому восприятию, что суть работы историка - рационализация памяти, которая формируется как мифология.

Ключевые слова: историческая память, символические формы истории, восприятие исторического опыта, контроль за историей, национальная идентичность.

*I.K. Kalimonov,
P. Yu. Mariyn*

Problems of formation of historical memory in works of French historian Mark Ferro

Summary: Article is devoted a problem of historical memory in works of French historian Mark Ferro. In article the state-of-the-art review of its works on the given theme is given. It is ascertained, that the official version of history itself stimulates the historian to its critical perception, that an essence of work of the historian - rationalization of memory which is formed as mythology.

Keywords: historical memory, symbolical forms of history, perception of historical experience, the control over history, national identity.

Проблема исторической памяти и её воздействия на ход исторических событий становится в последнее время одной из основных тенденций развития исторической мысли¹. Именно поэтому интересен вклад Марка Ферро в изучение мира представлений как основы исторического процесса, его взгляд на проблемы истины и объективности истории.

См. *Dosse F. L'Empire du sens: L'humanisation des sciences humaines// Francois Dosse. - Paris: Edition La Decouverte & Syros, 1995, 1997; Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: курс лекций // Могильницкий Б.Г. Вып. 3: Историографическая революция. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2008.*

Мир памяти формируется в процессе накопления опыта и делается способностями человека к созданию образов, которые отражают воспринимаемый мир. Поскольку воображение' человеку познавать, осваивать и понимать окружающую действительность, не было ничего удивительного в том, что внимание ученых привлек процесс взаимодействия памяти и представлений, которые в значительной мере взаимосвязаны с культурой. Через призму анализа истории, культура предстаёт перед нами пластом знаковой символики прошлого. Тому, как воплощается эта символика в жизнь и в каких социальных формах она предстаёт перед человеком, посвящены многие работы Марка Ферро.

Прошлое всегда переживается в сознании как история, которая всегда имеет культурное и ценностное содержание. Признание того, что в ходе исторических исследований должны учитываться социальные и культурные стороны жизни, в рамках которых протекает процесс воспитания, школьного образования и от них зависит дальнейшая социализация каждого человека, имеет решающее значение для понимания истории. Марк Ферро выражает этот тезис так: «Несмотря на все изменения, существует своего рода матрица истории каждой страны: это доминанта, запечатленная в коллективной памяти общества. И очень важно знать суть этой матрицы»².

В каждой культуре можно выделить специфические правила с собственными средствами формирования такой «матрицы». Обеспечение памяти группы или нации не только позволяет охранять и восстанавливать прошлое, но и подчеркивает особое значение в этом процессе истории. Память — это не только сохранение следов прошлого, но и его критическое восприятие, благодаря чему обеспечивается связь между разными поколениями. М. Ферро ставит перед собой следующие вопросы: какова функция исторического знания, его общественная полезность? Данные вопросы ориентируют историка на решение важной задачи - определение содержания и функций исторического знания, которые в зависимости от определённых задач формируют и передают опыт. «Какими средствами располагают те, кто хотел бы идти дальше в раскрытии этой истории? И где находится та планета, на которой история « том, что было», будет беспрепятственно оглашена не трибуналом или политическими властями, а историками?», - размышляя М. Ферро³. Так он привлекает наше внимание к тому, как формируется историческая память.

² Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мир 1992. С. П.

³ Ферро Марк. Николай П. М.: Международные отношения, 1991. т-

Ж. Ле Гофф отмечал: «Очерчивая сложный характер отношений между историей и памятью, можно заметить, что между ними существует неразрывная связь; смысл этих отношений можно выразить словами: память - сырье для истории»⁴. Нередко и в быденном сознании, и в научном мышлении пара «память - история» воспринимается как некоторая целостность, все звенья которой взаимосвязаны и взаимозависимы, дополняя друг друга. Обращение историков к феномену «мест памяти» уже само по себе является показателем успехов исторической науки, расширения её исследовательских горизонтов для определения «духа времени»⁵. Не случайно, ещё античная философия выступала основой спора философов по поводу возможностей человека познать и представить историческое время. В контексте исследования исторического процесса неизбежно возникает вопрос о сущности исторического времени, его роли в конструировании истории, а также объективных и субъективных факторов его развития .

Тема исторической памяти постоянно выступает центральным объектом исследования французских историков. «Память, как и история, имеет дело с уже прошедшим временем. Разница лишь в отстранённости, в объективации. Время памяти искривлено, видоизменено, переработано в зависимости от последующего опыта, наделившего его новыми значениями», - писал А. Про⁷. Как мы увидели из работ М. Ферро, где он провёл анализ восприятия событий войны, такое восприятие всегда зависит от индивидуального опыта человека, его способностей и возможностей понимать себя и окружающий мир. Учет и переработка исторического опыта необходимы для формирования связи между поколениями. Без этого невозможно знать и понимать прошлое, извлекать из него уроки для решения современных проблем.

Если сравнивать историю с исторической памятью, считает Ферро, то нужно исследовать связи и соединения событий через рассказ его автора, и тогда каждый раз по-новому открывается тайна исторической правды. Это позволяет признать, что различия во взглядах на происходящее существуют объективно, а их много-

⁴ *Le Goff J. History and Memory. New York, 1992. P. XI.*

О значении «мест памяти» в современном обществе см.: Интервью с Пьером Нора: «Историки поняли, что законы - очень опасная вещь» от 31.05.2010. <http://www.urokistorii.ru/current/view/2010/31/nora-ii>

Об этом, в частности, пишет: *Гриценко Н.В. Историческое время в социально-философском контексте: диссертация кандидата философских наук: 09.00.11 Историческое время в социально-философском контексте: Таганрог, 2004. С. 3.*

Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: РГТУ, 2000. С. 116.

образе демонстрирует нередко релятивизм любой истопим- сание официального представления событий и индивиду о пин память о них как бы противостоят друг другу. Причину бная противостояния М. Ферро связывает с социальными механн акого организации памяти: «Зная прошлое, легче овладеть насто &ми придать законные основания власти, претензиям. Ведь и мещк } М подствующие структуры: государство, церковь, политические п ос тии и группы, связанные частными интересами, владеют средств ^ массовой информации и книгоизданием, финансируют их от ВЫПУ и ка школьных учебников или комиксов до кино или телевидения»⁸

Историческая память не может передаваться непосредственно поэтому понимание того, как создаются картины прошлого как они описываются и представляются в их значении, требует от историка владения специальными средствами и приёмами познания М. Ферро часто подчеркивает, что часто обществу навязывается замалчивание своей историю, но и это молчание тоже является своеобразным методом истории⁹. Иначе говоря, важно понимать не был ли выбор представляемого опыта заранее и пристрастно predetermined.

Коллективная память, также как и индивидуальная, обладает двумя качествами, которые часто препятствуют работе историка. С одной стороны, это «вытеснение» из памяти определенных образов. Так, коллективное представление общества о себе как о «жертве» приводит нередко к тому, что стирается вся негативная информация, и здесь «торжествует» некритическое восприятие истории. Есть и второй вид восприятия истории - воспоминание по приказу, «освобождающего» от необходимости критического восприятия и от ответственности за прошлое¹⁰. Уроки прошлого учат нам, что массивному натиску официальной истории всегда противостоит конкретная рефлексия над ней, знание о том, как работают социальные механизмы памяти. Поэтому история несёт ответственность перед обществом за процесс формирования представлений о прошлом.

Процесс восприятия исторического опыта находится сегодня в центре исследования науки. Уже разработка данной темы требует

Ферро М. Как рассказывают историю... С. 8-9.

⁹ См. например: *Ferro M.* L'histoire sous surveillance. Science et conscience de l'histoire / М. Ферро. - Paris: Calmann-Lévy, 1994. P. 11.

¹⁰ См.: *Кантонов И.К.* Опорная точка прагматического поворота и и [претация в гуманитарных науках: эволюция теоретических предста > ^ во французской исторической мысли конца XX века / И.К. ^алимо л(и) - Ученые записки Казанского университета. - Сер.: Гуманитарные н у 2010. Т. 152, № 31. С. 204-215.

опоры на теоретическую базу междисциплинарных исследований. М. Ферро в ходе анализа Первой мировой войны пытался связать опыт восприятия истории с коллективными представлениями общества. Сам М. Ферро пишет об этом так: «Создатель картин истории развивает ее значение из тех тем, установок и социальных действий, которые укоренились в сознании общества. Всё это оформляет фундамент знания, где представлен порыв очевидно несовершенного события, которое всегда стоит позади очевидно свершившегося факта»¹¹.

М. Ферро принимал активное участие в дискуссии о содержании понятия «менталитет». Фактически он примкнул к тем участникам дискуссии, которые считали, что менталитет это - знания, разделяемые членами общества, такое «видение мира», где происходит сравнение восприятий через общение и формируются различия в мыслях и представлениях людей. Такой подход давал новые темы исследований для историков, делал более конкретным концепт «mentalite», указывал на его связь с символическим миром¹².

Под влиянием этих идей, понятие «менталитет» приобрело общую «территорию» с понятием культурной антропологии «структура личности» (*basic personality*)¹³. Оба понятия имеют в корне коллективное сознание (*conscience collective*), которое характеризует взаимодействие общества и индивида, и одновременно дифференцирует их. В ходе дальнейших исследований французских историков становилось ясным, что между социальными структурами и различными типами персонального существует определённое упорядочивание, например, внутри культуры общества, т.к. индивид воспитывается по её образцам. Так структура личности (*basic personality*) формирует определённый тип воспитания через укоренение привычек в сети «семья-общество», а через такие институты общества как история, искусство, религия и фольклор закладывает способы социального «приобщения». Таким образом, понятие антропологии «*basic personality*» более глубоко отражало социальную нормативность группы, которая стремилась к континуитету своей истории. Все это отразило более глубокое восприятие социально- исторического процесса.

Из культурной антропологии было известно, что формированию структур «*basic personality*» предшествует бессознательное.

¹¹ *Ferro M.* The fiction film and historical analysis. In: Smith, P. (Hg.): *The Historian and Film.* Cambridge 1976, P. 81.

¹² См.: *Jockel S.* „Nouvelle histoire" und Literaturwissenschaft. 2 Bd. Bd. L-Rheinfelden, 1984. S. 125,131,133, 134.

¹³ *Duby G.* L'histoire des mentalités/ Samaran Charles (Hg.). L'histoire et ses methodes (Encyclopedic de laPleiade). Paris, 1961. P. 944.

Хотя бессознательное не может быть объектом прямого наблюдения, оно могло быть выведено из культуры общества и языка психоаналитическим путем. На эти идеи обратили внимание и французские историки. Это побуждало к применению психоанализа а вывода тенденции развития структур коллективного характера однако развитие нового подхода сопровождалось рядом проблем. Не случайно, поколение Броделя - Лабрусса отдавало предпочтение изучению самих социальных групп, четко разводя в исследовании плоскости «объективных», помещающихся в логику пространства, структур общества и «субъективных», остающихся, как правило, за рамками рассмотрения структур сознания.

Иной подход искал М. Ферро. Он ставит вопрос о связи «менталитета» с системой ценностей и идеологией¹⁴. М. Ферро считал что культурные ценности создаются самим обществом и затем определяют его развитие через структуры мировоззрения. В данном подходе он приближается скорее к концепции объективации идей П. Бергера - Т. Лукмана¹⁵, которую вне сомнения использует в своих работах. Рассмотрим более подробно сходства и различия данного подхода с идеями М. Ферро.

Идея объективации идей в социальной реальности сместила акценты на изучение символических форм и коллективных образов истории. «Образы выступают средством реактивации изображения прошлого, где история становится посредником между прошлым и настоящим» - пишет Ферро¹⁶. Процесс объяснения такой реактивации прошлого находится в контексте концепции Бергера - Лукмана, которые разрабатывали её для собственных задач. С опорой на идеи о социальной реальности Э. Дюркгейма, К. Маркса, М. Вебера они обозначили границы исторического измерения социальных знаний и определили контуры так называемой «символической интеракции»¹⁷. Она становится моделью обоснования для М. Ферро новых предметов исследования «экзистенциальной» истории, которая возникает на уровне связи социального с ментальным. Ключевое значение в этом процессе имеют воспитание и

¹⁴ *Ferro M.* Cinema et Histoire / M. Ferro. Paris, 1980. P. 101.

¹⁵ *Coutau-Begarie H.* Le phnomene «Nouvelle Histoire». Strategie et ideology des nouveaux historiens. Paris, 1983. P. 153; *Dosse F.* L'histoire en miettes. L'«Annates» a la nouvelle histoire. Paris, 1987. P. 171.

¹⁶ См.: *Ferro M.* Les tabous de l'histoire. Pourquoi et comment l'histoire nous cache des faits. Paris, Pocket Editions, 2004.

¹⁷ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Тракт по социологии знания: Московский философский фонд. «Асаае Центр»-«Медиум» Москва, 1995. С. 104,136,198.

образование, которые выступают социальными инструментами формирования сознания человека.

Основная идея исследований заключалась в том, что понимание всякой социальной теории и практики лежит в плоскости действий субъекта. Иначе говоря, структуры «жизненного мира» определяются антропологическими предпосылками и становятся главным фактором развития общества¹⁸. Именно по этой причине многие историки предлагали заменить понятие «менталитет» термином «социальное знание»¹⁹. «Необходимо ментально-ориентированную гомогенную теорию социальной истории соотнести с историей оформления и трансформации социальных знаний, в которых, среди прочего, были бы учтены фольклор и этнология, а концепт «жизненного мира» и процесс образования «общего смысла» играли бы центральную роль», - писал Р. Рольф²⁰.

Процесс образования «общего смысла» или «объективации» идей показывает, как реальность создается людьми в результате практики. Одновременно обнаруживается зависимость между опытом и суммой накопленных знаний. Через социальные контакты люди создают общие образы, образцы поведения, формируя сумму определенных знаний, на основании которых они конструируют «жизненный мир». Эта практика и ее результаты закрепляются в поколениях, поддерживая континуитет развития общества. Поскольку в процессе институционализации принимают участие не все, последующие поколения вынуждены «разделять» и «объективировать» эти идеи как некий «общий смысл». Таким образом, социально-исторические знания выполняют ориентирующую функцию и история способствует передаче опыта из поколения в поколения.

После подробного рассмотрения вышеуказанных идей становится ясно, на что опирается в своих критических работах М. Ферро. Он неизменно подчеркивает значение наработок школы «Анналов» в исследовании менталитета и коллективных представле-

³ Luckmann T. Protozoologie als Protopsychologie? in: M. Herzog / C.H. Graumann (Hg): Sinn und Erfahrung. Phänomenologische Methoden in den Humanwissenschaften, Heidelberg 1991. S. 155-168.

¹⁹ См.: Reichart R. Histoire des mentalités. Eine neue Dimension der Sozialgeschichte am Beispiel des französischen Ancien Regime // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur 3 (1978). S. 132; Cazeneuve J., Akoun A. Mentalités/ La sociologie et les sciences de la société (Les encyclopedies du savoir moderne). Paris, 1975.

²⁰ Reichart R. Ftrr eine Konzeptualisierung der Mentditatsforschung: EthnologiaEuropaea 11 (1980). P. 238.

ний²¹. Первым важным свойством категории «менталитет» является то, что он помогает М. Ферро улавливать тенденцию, из которой выводится динамика развития социальных отношений. Второе важное свойство категории «менталитет» заключалось для М. Ферро в том, что становится возможным применение методов психологии для исследования внутренних мотивов и представлений участников исторических событий. Так появляется особый объект концентрирующий в себе как рациональные элементы, так и аффекты!

Учёт «бессознательного» имел важные последствия для анализа истории: так любой исторический рассказ можно было рассматривать как отражение субъективных представлений. Такой ракурс рассмотрения ментальных процессов позволяет обращаться к внутренней мотивации выбора и поступков. «Подсознание - это индивидуальный словарь, в котором каждый из нас записывает лексику истории своей индивидуальности, и бессознательное, организуя этот словарь по своим законам, придаёт ему значение и делает его языком, понятным нам самим и другим людям», - писал Клод Леви-Стросс²². Такими средствами формируется и общий «климат» каждой эпохи²³. Этот «климат» связан с влиянием на сознание и определен тем, что понимание событий приобретает в разное время обновлённое значение. Новое значение может появляться в результате крушения или трансформации ценностных представлений и соответственного изменения картин прошлого, но оно всегда опирается на интрапсихический процесс его индивидуального восприятия. Вследствие этого события рассматриваются не просто как события в традиционном понимании, а как одновременное переживание настоящего, крушение прошлого и проектирование будущего человеком²⁴.

²¹ *Ferro M. de Braudel a Histoire parallele (entretien par Francois Garcon et Pierre Sorlin)*, in «Cinema et Histoire autour de Marc Ferro», Francois Garcon, Cinemaction. Editions Corlet Telerama, 1992. P. 47.

²² *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. С. 211-212.

²³ *Duby G. L'histoire des mentalites: Samaran Charles (Hg.). L'histoire et ses methodes (Encyclopedic de laPleiade).* Paris, 1961. P. 952.

•" Напомним, что на протяжении многих лет французская наука размышляла над тем, что такое историческое событие. В частности, отмечалось что исторические события не укладываются в рамки политической истории, поскольку экономическая социальная история тоже демонстрируют их. Следовательно, объективность исследования политических с " " ! может достигаться комплексным анализом экономической, социально культурной истории. В качестве особых случаев рассматривались «социе-симптом» или «событие-цезура», которые оформляют некий " " ломный момент. При этом отмечалось, что процесс исторического в р ни современной истории (histoire contemporaine) с его результат

В этом сложном процессе ни человек, ни общество, ни различие культур не противопоставляются друг другу, а рассматриваются в формате взаимного влияния. Если это условие не соблюдено, то любое восприятие в обществе символических смыслов переходит свои «исторические» границы, и образы прошлого становятся источником идеологии. Не случайно М. Ферро подчеркивает дуализм скрытого и репрезентируемого в исторических образах, которые всегда побуждают его критически воспринимать прошлое. Таким образом, просто «показать» историческую правду становится недостаточным, появляется необходимость анализировать ее²⁵. «Знания о том, как формируются представления о прошлом, помогают понять роль истории», - пишет М. Ферро²⁶. Сам переход от коллективной памяти к коллективному сознанию в его исследованиях сопровождается анализом, как происходит формирование и появляются стереотипы. Это вынуждает историка обращаться к проблемам социализации человека. Именно социализация, как показывает М. Ферро в биографических работах, формирует дуализм группы и индивида, в рамках которого коренится опасность «манипуляции» историей. Чтобы защитить истину и объективность в истории, надо знать, как история превращается в средство манипуляции, а методы науки направляются на то, чтобы ассимилировать индивидуальные различия в «общих» представлениях.

Механизм формирования коллективной памяти, которая как на Западе, так и на Востоке, порой искусственно «втягивает» в себя то, что до определённого времени находится в тени, делает наглядной поляризацию образов прошлого. Презентация символических образов жертв и преступников, их безмолвность в горизонте заданных значений истории, может сделать относительными все вопросы о вине или ответственности за события прошлого. Поэтому необходимо исследовать не только их масштаб, но и глубину.

Представления, в определениях философии, относятся к опосредованному мышлению и связаны с образованием понятий, ко-

сенсациями и формирование объектов истории происходит параллельно. / См.подробнее на эту тему: *Moretti M. Societa e storia* 7 (1985). P. 403.; *Dumoulin O. Evenementielle (Histoire): Dictionnaire des sciences historiques /Burguiere Andre/*. Paris; 1986. P. 217.; *Nora P. Le retour de L'evenement: Le Goff J., Nora P. Faire de l'histoire. I. Nouveaux problemes*. Paris, 1974. P. 210-228; *Le Goff J. Le changement dans la continuite: Espaces Temps* 34-35 (1986). P. 22.

²⁵ *Ferro M. Geschichtsbilder. Wie die Vergangenheit vermittelt wird. Beispiele aus aller Welt*. Frankfurt a. M. 1991. S. 14.

²⁶ См.: *Ferro M. Les tabous de l'histoire. Pourquoi et comment l'histoire nous a cache des faits*, Paris, Pocket Editions, 2004. P. 23.

торые фиксируют определённый смысл²⁷. Культура часто направляет человеческие действия на социальный порядок, который попадает в зависимость от «введенного» таким образом смысла или значения. Затем они переносятся из сферы культуры в сферу истории где происходит дальнейшая репродукция смысла в социальной действительности, оказывая влияние на память людей. Понятия истории как бы проистекают из незримой борьбы, посредством которой действующие лица истории стремятся добиться победы собственных представлений о социальном²⁸. Не случайно, Ф. Доссе и Ж. Ле Гофф были убеждены, что язык науки, с помощью которого она «пишет» историю, представляет собой изобретения, которые отражают пространственно-временный масштаб, а символы служат средствами «сближения с миром»²⁹. В этом смысле, рациональный формат исследования истории, где язык науки использует понятия и категории для объяснения процессов исторического развития, сам должен находиться в зоне критики.

Как работает «механизм» формирования образов истории наглядно показывает М. Ферро на примере анализа событий 1905 года. Как в Европе, так и в Азии эта дата признается как событие, анализ которого, в зависимости от подхода в историографии, и соответственно, источников, показывает, что в исследовании событий в макроплоскости консенсуса не существует³⁰. Чем же выступает в реальности революция 1905 года? Как показывает историография, для каждой национальной истории существует своя «правда» об этом. Для советской историографии события 1905 года были «генеральной репетицией», то есть подготовкой к Октябрьской революции, считает М. Ферро. Иначе говоря, историки подчёркивали, что после 1905 года большевики смогли успешно осуществить революцию в октябре 1917 года, которая вышла, тем самым, за рамки обычной буржуазной революции. Поскольку об этом, считает М. Ферро, Ленин уже заявил, последующие события просто должны иметь подтвердить это. В Азии в исторической памяти 1905 год имеет принципиально другое значение: не как событие революции, а как следствие военного поражения России в русско-японской войне. Поэтому в японской историографии револю-

Словарь философских терминов / под ред. В.Г. Кузнецова. М.: Инфра-М, 2004. С. 431.

²⁸ Про А. Двенадцать уроков по истории. С. 145.

²⁹ Dosse F. L'histoire en miettes. Des «Annates» a la nouvelle histoire. Paris, 1987. P. 5.; Le Goff J. Les mentalités, une histoire ambiguë / Le Goff J, Nora Faire de l'histoire. III. Nouveaux objets. Paris, 1974. P. 84.

³⁰ Ferro M. L'histoire sous surveillance. Science et conscience de l'histoire Ferro. Paris: Calmann-Levy, 1994. P. 159.

ция 1905 года выступает наглядным уроком расплаты для тех, кто виноват в экспансии российской империи на Востоке. Таким образом, рассматривая одно и то же событие, в исторической памяти разных народов, можно признать: никто не пользуется монопольным дравом одностороннего описания истории.

Сравнение описания событий с пониманием их содержания нередко показывает, что событие может выполнять различные функции в зависимости от степени влияния определенной идеологии. М. Ферро показывает это на примере российской истории. В советской версии описания событий 1905 года, считает он, были созданы четыре модели его объяснения: аграрный вопрос, противоречие между трудом и капиталом, взгляд на русское государство как «тюрьму народов» и эксцессы самодержавной власти. В отличие от России, Китай, напротив, на примере 1905 года рассматривает процесс формирования революционного движения, но поскольку история прогрессирует в представлении китайцев через крестьянские восстания, они видят революцию 1905 г. в ином свете³¹. Таким образом, «втискивание» событий в определённые «схемы» истории часто превращает общество в арену гражданских битв, где история становится оружием политики.

Инструментализация истории облегчает решение политических задач. Не случайно, как считает М. Ферро, преподавание истории в школах нацелено преимущественно на формирование национального сознания и идентичности. Это имеет большое практическое значение для политики государства и развития общества, но данный процесс сопровождается рядом проблем. Для их иллюстрации М. Ферро обращается к анализу того, как протекает процесс обучения в разных странах мира. Он приглашает нас открыть страницы учебников, где подчас весьма своеобразно рассказывается история. Вот отрывок одного из таких рассказов: «Пришедшие из Центральной Азии или из Европы арии искали себе места, чтобы осесть. Вначале у них было много боевых столкновений с первыми жителями Индии, но позже они стали друзьями», - цитирует Ферро учебник³². Такой, на первый взгляд, непритязательный рассказ имеет весьма примечательный стиль повествования: в нем перемешаны факты, аргументация и оценка. «Подбор» исторических фактов и, одновременно, характеристика события через критерии «хороший» или «плохой», выступает типичным примером того,

³¹ *Ferro M.* Histoire de France. Paris, 2001. P. 10-11.; *Ferro M.* L'histoire sous surveillance. Science et conscience de l'histoire / М. Ferro. Paris: Calmann-Lévy, 1994. P. 161.

³² *Ферро М.* Как рассказывают историю детям. С. 57.

как формируются «стереотипы» в истории. Это наглядно объясняет, почему история постоянно переписывается, меняя окраску содержания прошлого. В зависимости от того, как характеризуется участник событий (хороший он или плохой) формируется упрощенно-бинарные образы истории.

Конечно, школьная история имеет право на участие в формировании ценностей общества, которые ориентируют на позитивное прошлое своей страны. В этом случае история может служить определенной точкой опоры для людей, которые испытывают потребность в уважении и самоопределении в достижении целей. Для этого человеку необходимо чувствовать себя достойным истории своей великой страны, быть патриотом. Даже если общество находится в состоянии упадка, история может придать силы в поисках выхода из лабиринта сложных ситуаций. Для этого преподавание истории направляется на цель - формирование национального самосознания, следуя которой можно ориентироваться на лучшие образцы опыта прошлого. Иначе говоря, история как бы фиксирует определённый образец социокультурного состояния страны, следуя которому общество продолжает движение вперед. Но знание о том, какими средствами достигается эта цель, имеет принципиальное значение.

Как показывает нам М. Ферро, историки часто используют для этого нелегитимные приемы. Одним из таких примеров является «корректировка» страниц истории. М. Ферро показывает это на примере анализа школьных уроков в ряде африканских стран. Он анализирует тему рабства, столь болезненную для истории Африки. Как показывает М. Ферро, эта тема может рассматриваться на уроках истории с необычной для европейцев стороны. Например, может умалчиваться о событиях вывоза черных рабов в Америку, и одновременно делаться акцент на вывозе белых рабов из Англии для продажи на рабовладельческих рынках. В результате у учеников формируется искаженное представление о прошлом, порождая противостественные чувства «сопереживания» по отношению к белокурым английским мальчикам, попавшим в рабство, нежели к собственным предкам.

Так история формирует заданное политикой «позитивное» отношение к себе с целью решения определённых политических задач. Политики стремятся таким образом инструментализировать историю. Тогда на страницах французских газет, размышляет М. Ферро, мы встречаем такие определения иммигрантов из быв-

ших колоний, как «сыновья и дочери французской республики» . Но у французов есть память: она напоминает постоянно им о том, что больше половины иммигрантов являются выходцами из бывших колоний Франции. В горизонте такой памяти перед глазами французов возникают яркие картины исторического континуитета: вчера захват территорий и порабощение народов, сегодня - дискриминация и расизм. Не случайно, сегодняшнее отношение к иммигрантам подпитывается подсознательным неприятием равноправных отношений, что лежит, по мнению М. Ферро, на уровне национального менталитета, определённого такими инструментами социализации как образование и воспитание. Поэтому политики ведут борьбу за позитивное обновление образов столетней кровавой истории колониализма Франции старыми способами пропаганды.

Конечно, «горизонт ожидания» может нести в своем содержании в себе определенный прогноз развития общества. Однако нет ожидания без опыта и наоборот³⁴. Не случайно, считает М. Ферро, что «целенаправленный взгляд» в прошлое проектирует определённое будущее. «С этой точки зрения, исследование прошлого означает сознательный социальный процесс, в котором происходит отражение истории и её оценка, что побуждает нас к защите от конформизма и униформизма, свойственных XIX веку», - подчеркивает он³⁵. Поэтому важно знать, как история преподается в школах, как она оставляет следы - если она зарегистрирована - и как она сохраняется в индивидуальной памяти, или памяти семьи, или памяти группы, общины, региона.

Официальная история часто имеет претензии не только на проектирование будущего общества, но и на формирование наших представлений о Другом. Это влияет на наши мировоззренческие установки, которые определяют в дальнейшем наше поведение и отношение к другим. «Не нужно себя обманывать: образ других народов или собственный образ, который живет в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории. Это запечатлевается на всю жизнь. Для каждого из нас это открытие мира, открытие его прошлого, и на сложившиеся в детстве представления впоследствии накладываются как мимолетные размышления, так и устойчивые понятия о чем-то», - отмечает Ферро³⁶.

В данном случае имеется в виду содержание предвыборных дебатов Ж. Ширака и других политических лидеров.

³⁴ *Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag. STW, 1989. S. 352.*

³⁵ *Ferro M. Cinema et Histoire / M. Ferro. Paris, 1980. P. 24-38.*

³⁶ *Ферро М. Как рассказывают историю в разных странах мира. С. 8.*

В школьном преподавании истории раньше и ярче всего об­ руживается опасность растворения истории в социальных науках вытекающей отсюда её фрагментации. Именно здесь, по мнению некоторых учёных, сильнее всего проявились «болевы́е точки обозначившие негативные последствия крайностей сциентизации для исторического познания»³⁷. Такие проблемы обязывают исто­ риков к постоянному обновлению и тщательному анализу прошло­ го, к учёту того, что культура нередко превращается в норматив нацеленный на функцию образования «общего смысла» в обществе. На это обращает особое внимание и М. Ферро. Социальные группы, подчеркивает он, не являются однородными, и здесь воз­ никает другая проблема: как исторические знания, которые имеют значение для всех, могут сделать уроки прошлого одинаковыми для всех. Как может, к примеру, быть описана в арабской историо­ графии битва при Пуатье, представленная как торжественное со­ бытие в национальной истории, и появится ли она там вообще?³⁸.

Не случайно он постоянно ставит под сомнение беспристраст­ ность взгляда школьной истории: «То, что у учёных было прогрес­ сом по сравнению с историей событийной, в системе передачи и приобретения знаний, да ещё в руках министерских чиновников, стало шагом к разрушению исторических представлений», - пишет он³⁹. В своем анализе данного процесса он напоминает о том, что еще в 1920 г. Луначарский и Бухарин выступали сторонниками анонимного рождения истории «без даты, без символов, без собы­ тий», как бы призывая педагогику работать по заказам государст­ ва⁴⁰. Поэтому кризис школьного преподавания истории может рас­ сматриваться своего рода индикатором негативных процессов в науке и обществе в целом. Таким образом, считает М. Ферро, исто­ рия в том виде, как её рассказывают детям и взрослым, позволя­ ет одновременно узнать, что общество думает о себе и как изменя­ ется его положение с течением времени .

Социальная ответственность преподавания истории состоит также в том, чтобы предвидеть долгосрочные последствия влияния образования на мировоззрение и миропонимание людей. От этого,

³⁷ *Могильницкий Б. Г.* История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. III: Историографическая революция. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 26.

³⁸ *Ferro M.* L'histoire sous surveillance. Science et conscience de l'histoire / M. Ferro. Paris: Calmann-Levy, 1994. P. 154.

³⁹ *Ферро М.* Как рассказывают историю. С. 151.

⁴⁰ *Ferro M.* L'histoire sous surveillance. Science et conscience de l'histoire / M-Ferro. Paris: Calmann-Levy, 1994. P. 28.

⁴¹ *Ферро М.* Как рассказывают историю. С. 9.

в свою очередь, зависит гражданская самостоятельность общества. История как одна из основополагающих дисциплин образования включает в себя много знаний, которые на первый взгляд не входят в круг её непосредственных интересов. Но чем дальше развивается наука, тем становится отчетливее, что проблемы истории находятся на перекрестке разных наук, и их невозможно решать односторонне. Если преподавать историю исключительно с национальной точки зрения, то прошлое видится фрагментарно, где на сцене истории присутствует всегда только один герой, одна нация, и всё остальное рассматривается как незначительный эпизод.

Дуализм отдельных исторических феноменов, где «скрыты» или неявны отдельные стороны истории, побуждает М. Ферро критически воспринимать прошлое. Речь идёт не просто о том, чтобы просто показать историческую правду, подчеркивает он, а о том, чтобы анализировать ее в двойном контексте через толкование прошлого. Всякая неясность, противоречивость или даже неправда, формирует в поколениях стереотипы образов врага, показывая нам стратегию ограничения коллективной памяти. Таким образом, любые двусмысленные символы истории можно рассматривать инструментом прямого влияния на память и сознание человека, с помощью которых прошлому придаётся особое «историческое значение».

Каким образом формируются такие значения, Ферро напоминает нам из некоторых примеров истории. Так он размышляет о том, что после революции в России проходили массовые реставрации революционных событий, но сценарии этих реставраций писали люди, создававшие такую память о событии, которая была «удобна» для освещения последующих событий. «В настоящее время, когда гласность требует более ярко высветить факты, кажется, что все осталось на той же точке. И если споры о происходящих событиях и ведутся, то они касаются не существенных, а технических моментов и деталей, которые уже хорошо известны», - считает Ферро⁴².

Проблема отбора знаний для освещения исторических событий является одной из важных тем его исследования. «Может ли память считаться историей, всей историей? Разве нет и в этой работе отбора, необходимого и обязательного?», - спрашивает М. Ферро⁴³. Эти вопросы постоянно сопровождают его работу, и в основе доступа к историческим знаниям он видит многочисленные табу, которые устанавливают социальные институты - церковь, госу-

дарство, партия⁴⁴. Не случайно, главной функцией исторической науки долгое время оставалось формирование национального сознания, благодаря чему национальная история занимала свое центральное место в системе исторических дисциплин. Стремление к идентификации национальной истории с историей в целом вело к появлению специфических для исторической науки функциональных и педагогических задач. Наиболее негативными последствиями этого процесса стали два явления: идеологизация истории и контроль за ней. Для того чтобы противостоять этим явлениям необходимо критически воспринимать прошлое. «Сакрализации памяти противопоставляется критическая функция истории, требующая от её служителей дистанцироваться от скрывающихся за «долгом памяти» политических, социальных и личностных пристрастий. Но это не отстранённая позиция стоящего «над схваткой» исследователя. В ситуации распада единой национальной памяти историк выступает своего рода арбитром в конкурентной борьбе памяти различных социальных, национальных и маргинальных групп», - пишет Н.В. Трубникова⁴⁵. С содержательной точки зрения, односторонность политической истории является даже деструктивной, ведь концентрируясь на национальном сознании, она делает все остальные стороны жизни относительными. В этом смысле любое восприятие истории вне понимания процесса формирования взглядов на прошлое создаёт благоприятные условия для создания зависимости истории от идеологии.

Контроль за историей, по мнению М. Ферро, рождается на уровне связи истории с идеологией. Это происходит по разным причинам. Во-первых, все социальные институты стремятся контролировать, так или иначе, знания о законности своего происхождения. Во-вторых, контроль за историей появляется из цели оформления идентичности, которая, в свою очередь, решает проблемы правопреемства истории государством, церковью или нацией⁴⁶. Поэтому нет ничего удивительного в том, что историю постоянно стремятся подчинить определённым правилам познания, представления и описания.

Кто же и как диктует такие правила для нас? В древности, подчеркивает М. Ферро, доступ к истории ограничивался священными лицами, сегодня эти функции берёт на себя государство. «По-

⁴⁴ *Ferro M.* Les tabous de l'Histoire / M Ferro. - Paris: NiL editions, 2002. P. 19-41.

⁴⁵ *Трубникова Н.В.* Историческое движение «Анналов»: Традиции и новации. Томск, 2007. С. 301-311.

⁴⁶ *Ferro M.* L'histoire sous surveillance. Science et conscience de l'histoire / M-Ferro. Paris: Calmann-Lévy, 1994. P. 25.

сколько история является достоянием предков, то доступ к ней в этих церемониях имеют лишь посвященные лица. Поскольку же она равным образом связана с передачей политической власти, то а держание исторического процесса воспроизводится сообразно с интересами власти, таким образом, многое в истории пропускается», - пишет М. Ферро⁴⁷. С этой точки зрения, политическая история поддерживается институтами общества в целях обеспечения примата их собственной истории.

Не случайно, зарождение европейской истории связано с особым способом распространения власти, который развивается через особую технику легитимации формы национального государства⁴⁸. По мнению М. Ферро, данный процесс очень точно отражает содержание контроля над историей для выполнения заданных политической функций и задач. Это объясняет, почему «во Франции, начиная с шестнадцатого века, историкам «рекомендовали» отказаться от латинского языка в пользу собственного языка, который, хотя и выглядел вульгарным, был более эффективным для прославления нации и легитимации государства, которое как бы воплощает её в себе⁴⁹. Несколько веков спустя, в период Третьей республики от имени государства историк был уже «обязан» прославлять нацию, а в функцию министров образования входило издание инструкций по преподаванию истории, которые были направлены на цель оформления национального сознания. «Будучи искренними патриотами родины, мы заявляем, что наша цель состоит, главным образом, в преподавании национальной истории Франции», - цитирует Ферро одну из статей в газете 1884 года⁵⁰. Таким образом, как показывает сама история, содержание прошлого постоянно перерабатывается, следуя определённым политическим целям.

На примере европейской истории, как показывает в своих работах М. Ферро, социальных институтов, приветствующих «одномерное» восприятие истории, довольно много. К наиболее важным европейским институтам относятся церковь и государство, которые отражают в разной мере формы принятия жизненно важных решений в обществе. Каждый из этих институтов имеет свои секреты власти, свои теории, которые оформляют взгляд на то, что

Ferro M. Как рассказывают историю. С. 36.

⁴⁸ См.: *Bartlett R.* England under the Norman and Angevin kings, 1075-1225 // *The new Oxford history of England / general ed. J. M. Roberts.* Oxford: Clarendon Press, 2000.

⁴⁹ *Ferro M.* L'histoire sous surveillance. Science et conscience de l'histoire / M. Ferro. Paris: Calmann-Lévy, 1994. P. 21.

⁵⁰ *Ferro M.* Histoire de France / M. Ferro. Paris, 2001. P. 11-12.

разрешено, а что запрещено обществу знать о своём прошлом⁵¹. Одним из ярких примеров такого табу может служить реакция официального Ватикана на снятый в Голливуде фильм «Код да Винчи» по мотивам книги Джона Брауна. Яркий протест католической церкви против малейшего вмешательства в её дела, против свободной трактовки истории церкви и священного писания может служить подтверждением мнения Ферро.

Табу, по мнению Ферро, - всё то, о чем не смеют говорить в открытом формате обсуждения или дискуссий. История скрывает определённые «болевы́е точки» прошлого, обходя их молчанием, хотя они не забыты или запрещены. Их просто как бы не замечают, но именно через такую практику они быстрее узнаются. Заметить табу, подчеркивает М. Ферро, можно через невысказанность или недосказанность обществу в системе преподавания. Табу имеют разное происхождение: христианское, монархическое, республиканское или светское. Но все они связаны с нежеланием задавать вопросы, или ответить на них, поскольку это нарушает режим неприкосновенности тем, неудобных власти.

Табу в истории обычно накладываются на то, что служит основой «герметичных» культурных и политических устоев общества. Для примера в книге «Табу истории» Ферро выделяет тему загадочной гибели Николая II и императорской семьи. Такие события наглядны в истории развития общества эпохи Нового времени, где четко прослеживаются отделение церкви от государства, появление рациональности в стиле мышления и развитие политических институтов власти. Как подчеркивает М. Ферро, в реальной действительности исторические образы прошлого не могут оставаться неизменными, они всегда динамично связаны с контекстом времени и места, с определёнными общественными отношениями, в которых они возникли, переплелись и подчинились течению и изменениям определённых целей. Поэтому необходимость анализа и переоценки прошлого присутствует всегда, что особенно наглядно в наше время, когда «надзор» за историей повсеместно встречает сопротивление новых поколений.

Как подчеркивает М. Ферро, надзор за историей имеет часто прямую связь с оформлением идентичности, которая определяется материально и содержательно из модели политической истории, нацеленной на формирование национального сознания. В современном понимании истории, для образования идентичности необходимы три фактора: столкновение, перемешивание и взаимодей-

⁵¹ *Ferro M. Les tabous de l'histoire. Pourquoi et comment l'histoire nous cache" des faits / M. Ferro. Paris: Pocket Editions, 2004. P. 13.*

стве (*colliding, intermixing, interacting identities*), которые изменяют содержание старого понятия идентичности⁵². Через взаимодействие данных факторов возникает мультикультурализм с участием разных народов и обществ, и это делает необходимым знание «другого».

Не случайно историки культуры рассматривают проблему «другого» как ключевой вопрос нашего времени. Это связано с ростом культурных столкновений, которые происходят в рамках феномена глобализации⁵³. В случае столкновения культурных групп возможно возникновение двух реакций, которые могут быть диаметрально противоположны. Здесь возможны, по крайней мере, два сценария развития. С одной стороны, это отрицание или игнорирование культурных различий, когда происходит ассимиляция «другого» или растворение «себя в других». Примером такого восприятия может быть история «видения» крестоносцами мусульманского воина Саладина (Салах ад-Дин) в качестве европейского рыцаря, или рассмотрение скульптуры Брахмы, Вишны и Шивы в виде Святой Троицы при посещении индийского храма Васко да Гама. С другой стороны, культура «другого» может рассматриваться как противоположность собственной культуре. Примером этого может быть «Песня о Роланде», которая воспринимала ислам как дьявольскую инверсию христианства. Таким образом, когда сталкиваются две разные культуры, изображение «другого» чаще всего стереотипизировано. Уже само понятие «стереотип», или его французский аналог «клише», выступает прототипом оттиска изображения, что является напоминанием связи между воображаемым, образом и визуальным изображением. Такое упрощённое восприятие облегчает обобщать образ «другого»: ему просто отказывается в признании особенностей, что порождает ответную реакцию - агрессию и фанатизм.

История оказывает значительное влияние, как на оформление образа «идентичности», так и на восприятие других народов за пределами определённого общества или государства. На это постоянно обращает внимание в своих работах М. Ферро. «Образ других народов или собственный образ, который живёт в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории», - подчёркивает он⁵⁴. Это особенно наглядно видно на примере Европы. На протяжении столетий, пишет М. Ферро, европейская идентичность учреждалась через влияние христианства, которое легитимировало

Mazlish B. Comparing Global History to Word History // The Journal of Interdisciplinary History. N 28, 1998. P. 385-388.

⁵³ *Burke P. Eyewitnessing: The Uses of Images As Historical Evidence. P. 123.*

⁵⁴ *Ферро М. Как рассказывают историю. С. 8.*

формы европейской политики на колонизируемых территориях⁵⁵ Однако критерий конфессиональной принадлежности к христианству, доминировавший до идеологического противостояния, наглядно показывает, что географические границы выступают здесь лишь условным критерием возможного деления. Связано это с тем что в ходе расширения Османской империи ислам, в свою очередь' также проник и расширил свое присутствие в Европе, в частности' в Албании и Боснии. Вследствие этого возникает дополнительный фактор, например, религиозного оформления идентичности⁵⁶. Таким образом, критерии идентичности подвержены постоянной динамике, поэтому особенностью Европы как части евразийского континента уже не является её разграничение с Востоком⁵⁷.

Чтобы дополнить свою аргументацию по данным вопросам М. Ферро обращается к истории России. «Если рассматривать распространение христианства на Восток, то Россия также относится к сфере безусловного европейского влияния. Но это возможно лишь при учёте определённых условий», - пишет М. Ферро⁵⁸. Не случайно, после русской революции, эмигранты из России стали оппозиционно пропагандировать идеи евразийства, причём, в обосновании своих идей стали обращаться к эпохе Золотой орды. Согласно этим идеям, культурно-исторические стороны развития России связывались не столько с Европой, сколько с Азией. Понятно, что для народов России, которые живут, как правило, в мире различных конфессий, этот вопрос не столь уж важен. Важна сама идея, которая оформляет разные виды идентичности. Иначе говоря, развитие таких идей, как евразийство, показывает, что изменение критериев оценки прошлого смещает границы разделения региональных, конфессиональных и других различий, что способствует формированию новых уровней понимания прошлого.

Идея политического оформления «идентичности» неразрывно связана, по мнению М. Ферро, с процессом контроля за историей. «Контроль за историей» приводит к тому, что изменяется взгляд общества не только на своё прошлое, так и на отношение общества к настоящему. Наполеон, считает М. Ферро, не смог бы осуществить свою судьбу в Англии, и вероятнее всего, остался бы капитаном артиллерии до конца дней своей жизни, поскольку там для людей с нравственным чувством долга занять силой высший госу-

⁵⁵ *Ferro M.* Histoire de France. P. 29f.

⁵⁶ См. на эту тему: *Ferro M.* L'histoire. P.38; *Ferro M.* Histoire de France. P. 675.

⁵⁷ *Ferro M.* Les individus face aux crises du XXe siecle-L'Histoire anonyme. Paris: Odile Jacob, 2005. P. 273.

⁵⁸ Там же.

дарственный пост просто нельзя. В Англии это решение легитимирует британская парламентская система⁵⁹. Процесс легитимации истории зависит от типа идеологии, поэтому процесс оформления идентичности направляется на сглаживание этих отношений и нередко порождает табу. Во Франции процедура легитимации истории не позволяла существовать нескольким историографиям вместе, но она никогда не вмешивалась в процесс описания героического прошлого. По этой причине каждый из идеалов - католической или протестантской церкви, подчинённый цели воспитания моральных или патриотических чувств, никогда не представлял опасности для официальной истории. Скорее наоборот, такой процесс использовался институциональной историей в своих интересах для укрепления государства с целью создания общего пантеона национальных героев.

Как подчеркивает М. Ферро, отбор знаний и создание пантеона героев остаётся и сегодня делом идеологии, которая призвана воспитывать национальный патриотизм. Он объясняет это тем, что в этом пантеоне неизбежно появляются образы таких героев, как Александр Невский или Жанна д'Арк, Коперник или Спартак, которые призваны изменять лишь «знаки препинания» в этапах развития истории. Поскольку этот процесс неизменно поддерживает политикой, научный дискурс об истории выступает зачастую не более чем «техническим прорывом» в описании прошлого. Сами образы остаются при этом неизменными, меняется лишь стиль и динамика повествования, которое призваны делать более впечатляющими образы Жанны д'Арк или Гагарина. Ферро критикует такую позицию науки, ведь через доступ к новым источникам ретроспективный взгляд на прошлое должен постоянно обновляться. Новые источники, считает он, неизменно выводят из тени официальной истории те образы прошлого, которым ранее было отказано в праве на существование. В этом контексте задача поиска истины в истории состоит в том, чтобы через анализ различных источников проверять объективность связи обнаруженных фактов с их историческим значением.

Как происходит этот процесс, М. Ферро показывает на примере истории Франции. Во Франции история традиционно выступает средством укрепления единства духа нации и государства, что наглядно показывает история образа национальной героини Жанны д'Арк⁶⁰. Как подчёркивает М. Ферро, в пятнадцатом веке, ни се-

Ferro M. L'histoire sous surveillance. Science et conscience de l'histoire / M. Ferro. Paris: Calmann-Lévy, 1994. P. 21.

⁶⁰ *Ferro M. Histoire de France / M. Ferro. Paris, 2001. P. 29.*

мейные архивы, ни официальные источники не содержали даже намеков на существование личностей такого масштаба. Героический образ Жанны стал необходим в период становления национального сознания и национальной идентичности, которые должны были способствовать укреплению власти государства. «Для победы королевской власти, ни святой, ни ведьма, не подходили в качестве героя, и королевской службе потребовалась секуляризованная Жанна», - размышляет М. Ферро⁶¹. Позже, когда церковь стала укреплять свой союз с государством, образ Жанны стал претерпевать идейную трансформацию, и в истории появился новый вариант благочестивой героини, «дополняющий» уже имеющийся образ. Постоянное переписывание этой истории приводило к тому, что и в целях поддержки Французской революции и даже в целях укрепления Антанты исторические образы неоднократно менялись порой до неузнаваемости. Таким образом, подчёркивает М. Ферро, различные версии образа Жанны д'Арк отразили содержание дискуссии о роли истории и масштабах её компромиссов через призму различных политических идей.

Конечно, институциональная история в определенной степени необходима для каждой из социальных групп. Каждая организация, считает М. Ферро, пытается оправдать и узаконить свое существование и потому нуждается в собственной истории. Однако нет такой официальной истории, которая не ставила бы под сомнение легитимность прошлого, если оно не «освящалось» политическими институтами власти. На примере истории Эльзаса М. Ферро показывает, насколько легко в официальной истории создавать формы идентичности с помощью заданных политикой схем национального самосознания. Во Франции периода Третьей республики, образ Наполеона III характеризуется скорее потерей Эльзас-Лотарингии, нежели приобретением Ниццы или Савойи⁶². После 1871 года для политических, культурных и других сфер региональной жизни, присоединение Эльзаса и Лотарингии к Германии стало настоящей катастрофой. В течение многих лет, пишет М. Ферро, из страха перед властями многие историки вообще не хотели писать о последствиях войны⁶³. Лишь, когда опасный период тотального контроля миновал, историки стали, используя систему школьного образования, создавать «особые» образы для формирования национальной идентичности эльзасцев.

⁶¹ *Ferro M. L'Histoire sous surveillance. Science et conscience de l'histoire* /-M Ferro. Paris: Calmann-Lévy, 1994. P. 25.

⁶² *Ibid.* P. 43.

⁶³ *Ferro M. Les individus face aux crises du XXe siècle-L'Histoire anonyme.* Paris: Odile Jacob, 2005. P. 253.

Что же особенного было в этих образах? Об этом нам рассказывает М. Ферро далее. Так, пишет он, в 1883 году была выпущено «Пособие по вопросам этики, истории и географии», которое было примечательно тем, что в нем излагались права и обязанности граждан по отношению к семье и обществу в духе «национальных традиций» региона⁶⁴. Забавным было то, что в данном пособии история Франции рассматривается под углом немецкого самосознания, которое представляло собой «заготовку» внешней формы для национальной идентификации эльзасцев. История* представленная таким образом, старалась оформить характеристику региона Эльзаса с историческим опытом немецкого самосознания, что как бы само собой оправдывало последующую аннексию региона⁶⁵. Поэтому нет ничего удивительного в том, что национальное сознание нередко появляется с одновременным уничтожением этнических групп, а централизация или революция разрушают социальную память целых общин или девальвируют их язык и самобытность.

Развитие идей о национальном сознании наиболее показательны в истории Германии. После Второй мировой войны взлет и развитие новых политических идей имело тесную связь с разделением Германии, что закономерно требовало пересмотра прежних приоритетов в немецкой историографии. Исторический угол зрения, непосредственно после 1945 года, выглядел весьма своеобразно. Одни представители немецкой исторической науки яростно защищали традиционный теоретико-методологический базис науки. Другие историки считали прежние протестанско-прусские мысли о государстве устаревшими. Третьи ратовали за развитие католических идей по созданию единого пространства культурных ценностей, что позже стало основой европейской интеграции. Протекавший политический дискурс периода холодной войны привел к изменению старых концепций о власти и политике в рамках обновленных идей о примате государства. Вместе с тем, постоянно присутствовал вопрос: «Остается ли в условиях глобализации политика национальной власти по-прежнему приоритетной?». Этому способствовали и политические процессы, протекавшие во всем мире. После распада колониальной системы появлялись новые и

Ferro M. Les individus face aux crises du XXe siecle-L'Histoire anonyme. Paris: Odile Jacob, 2005. P. 259.

⁶⁵ *Ferro M. L'Histoire sous surveillance. Science et conscience de l'histoire / M. Ferro. Paris: Calmann-Lévy, 1994. P. 45.*

⁶⁶ *Conze E. Nationale Vergangenheit und globale Zukunft // Geschichte ist immer Gegenwart-Vier Thesen zur Zeitgeschichte-mit Beiträgen von Jörg Baberowski, Eckart Conze, Philipp Gasiert, Martin Sabrow: Deutsche Verlag-Anstalt-Stuttgart, München, 2001. S. 43-67.*

прекращали свое существования старые государства. Разделение Германии после войны также оказывало негативное влияние на старое восприятие образа «нации» в сознании немцев. Чем больше говорили о единстве, тем больше выигрывала старая концепция национального государства, которая была излюбленным объектом политики. Такое внимание неизменно означало контроль за «историческим развитием». Какие же цели преследует этот контроль?

Контроль за историей, как правило, преследует цель легитимации власти, что характерно не только для Европы, но и для других стран мира. В Индии, в отличие от Европы, считает М. Ферро, контроль за историей, казалось бы, преследовал иную цель - оправдание национального движения. Однако так представляется лишь на первый взгляд, поскольку методы контроля имеют аналогичное содержание. В официальной истории Индии, как показывает М. Ферро, не было анализа конфликта между мусульманской и индуистской общинами. Так, объединение Индии англичанами, которые установили принцип равенства для всех его жителей, и тем самым, освободили индусов от страданий из-за более низкого статуса, одновременно привело к тому, что мусульмане устремились к движению сепаратизма⁶⁷. Существование кастовой системы стало поводом для такой интерпретации истории, которая рассматривала кастовую принадлежность как принцип автономии в социальной системе. С этой точки зрения, суть индуизма отражала функционирование общества в рамках трех принципов: разделение, иерархия и взаимозависимость наследственных групп. Последствием такого восприятия стало упрощенное понимание религиозного противостояния между «праведными» и «неправедными» членами общества. Таким образом, институциональная история Индии, желая оправдать свои действия по объединению страны, очистила социальную историю от всего, что не вписывалось в формат установленной легитимации государства.

Стремление к контролю за историей оправдывает любые средства ради достижения данной цели, что наглядно показывает и история «коммунистического прошлого»⁶⁸. «Когда коммунистическая партия находится в центре внимания, история становится в буквальном смысле государственным делом. В самом деле, власть партии создаёт собственные рамки легитимации истории, ведь партия как авангард общества имеет особый взгляд на историю для

⁶⁷ *Ferro M. L'histoire sous surveillance. Science et conscience de l'histoire / Ferro. Paris: Calmann-Lévy, 1994. P. 26.*

⁶⁸ *Ferro M. Les tabous de l'Histoire / M. Ferro. Paris: NiL editions, 20 P. 10-11.*

выполнения задачи перехода к коммунизму», - пишет М. Ферро . Таким образом, связь марксизма с идеологией позволила поставить историю под контроль для сохранения легитимности власти коммунистов. Можем ли мы утверждать, что контроль за историей определяется идеологией?

По мнению М. Ферро, ответ на этот вопрос зависит от содержания политики. Если рассматривать марксизм вне идеологических рамок, например, как научную концепцию объяснения истории общества, то дискуссии о том, какое описание прошлого легитимно, а какое нет, выглядят иначе. Среди марксистов, отмечает М. Ферро, были ученые, например, Покровский в советской России, которые рекомендовали использовать прямые источники, а не теоретический критерий их отбора, выступавшего очевидным средством выражения власти. Иначе говоря, обращаясь к практике, вне навязанных задач политикой, даже научный марксизм способен заниматься не только историей развития государства, но и действиями самих людей, без которых понимание истории невозможно.

По мнению М. Ферро, коммунистическая идеология разделила Европу на две сферы исследования истории и направила историографию в русло спекулятивной философии марксизма. По этой причине история Европы превратилась в региональную часть исторической науки, которая обособилась после Второй мировой войны в особый предмет исследования. Как отмечает М. Ферро, до Перестройки и после крушения идеологии марксизма в период с 1989 до 1991 г., предмет восточноевропейской истории не требовал ещё разъяснения⁷⁰. Под ним понималась история стран и царств, которые находились в пространстве коммунистического влияния Европы. Такая история противопоставлялась истории Запада с другим, капиталистическим измерением. Описательная часть этой истории, подчёркивает М. Ферро, фиксировала цифры, даты и события, и незначительным образом претерпевала изменения в зависимости от уровня обобщения и описания. Хотя время от времени, считает он, появлялись и другие типы описания прошлого, в частности, с преобладанием региональной, местной или сравнительной истории, все они не имели собственной легитимной, теоретико-методологической базы. Там, где появлялись независимые исследовательские группы, которые рассматривали иначе ход развития истории, они попадали в «черный список» официальных органов.

Ferro M. L'histoire sous surveillance. Science et conscience de rhistoire / M. Ferro. Paris: Calmann-Levy, 1994. P. 26.

⁷⁰ *Ferro M. Les individus face aux crises du XXe siecle-L'Histoire anonyme. Paris: Odile Jacob, 2005. P. 357.*

Любое несоответствие официальной истории, подчёркивает М. Ферро, неизбежно определялось как немарксистское, а значит, не научное, и право партии на самоуправление определялось иррациональными элементами идеологии⁷¹. Таким образом, взаимная связь истории и идеологии облегчает политический контроль за ней⁷².

К каким последствиям это приводит, наглядно показывают трагические события XX века. В силу массивной политизации науки считает М. Ферро, историография Германии накануне Второй мировой войны превратилась в легитимирующую науку и стала играть ведущую роль национально-государственной парадигмы. Безумное разыгрывание национальных идей на сцене истории заставляет его признать: «Как прав был Б. Кроче, который считал любовь к отечеству вопросом инстинкта, а пацифизм и социализм просто идеями. К началу XX века это ведёт к переосмыслению того, что такое нация и государство. Можно сказать - моя страна всегда права. Правительство может ошибаться, но страна всегда права. Позади правительства стоит народ, который поддерживает решения о начале или конце войны»⁷³.

В анализе исторических событий М. Ферро постоянно показывает, как идеология уводит общество от состояния критической самоидентификации и используется как средство манипуляции обществом. Он напоминает нам, что с конца 1900 годов, когда международная ситуация в Европе вошла в состояние кризиса, все ведущие европейские державы активизировали идеологические механизмы воздействия на сознание. Сделано это было для того, чтобы подготовить население к войне. С развитием средств массовой информации развиваются и возможности манипулирования общественным сознанием. Информация идеологического характера, направленная на формирование образа врага, становится задачей всех СМИ. Каждая страна, в соответствии с тем, кто был её потенциальным врагом, формировала у своего народа образ коварного противника. Газетные статьи, книги, карикатуры, театральные спектакли, все служило этой цели, а история была оправданием такого представления.

⁷¹ *Ferro M. L'histoire sous surveillance. Science et conscience de l'histoire / M-Ferro. Paris: Calmann-Levy, 1994. P. 27.*

⁷² По мнению некоторых историков, это объясняется не в последнюю очередь тем, что политическая история неразрывно связана своими корнями с интеллектуальной историей и историей идей. См. подробнее: *Chartier & Histoire intellectuelle et histoire des mentalités: Trajectoires et questions. Revue de synthese 104 (1983, 3 e serie). P. 277-286.*

⁷³ Интервью с М.Оеппо//Angelika Schindler, ARTE Deutschland TV, 20.07.2004.

На примере нацистской Германии можно увидеть, как история формировала определённый имидж страны, который позволил Гитлеру запустить чудовищную машину предвоенной пропаганды. М. Ферро напоминает нам о том, что Гитлер рос и воспитывался в стране, где преподавание национальной истории было политизировано в экстремальной форме. Гитлер лично испытал на себе довоенную пропаганду в преддверии войны, что в значительной степени повлияло на его представление о роли немецкой нации в истории. Не удивительно, что именно представление образов истории о разгроме Германии в Первой мировой войне и заключения жёстких рамок послевоенного мира, дало Гитлеру повод рассматривать немецкий народ «униженным и оскорблённым». После прихода к власти, считает М. Ферро, эти мысли в значительной степени сформулированы учебниками истории. Политическая пропаганда использовала исторические образы в собственных интересах, подтолкнув нацию в сторону фашизма. Немецкая пропаганда имела конкретную цель - психологической подготовки народа Германии к войне. Таким образом, история, которая создавалась на протяжении многих лет, выполняла исключительно политический заказ. На основании этого заказа происходит трансформация образов истории, и переход от «униженной и оскорблённой нации» к нации, представляющей «высшую расу». Чем закончилось такое развитие истории, всем хорошо известно.

Подобные аналогии срачивания истории с идеологией, как показывает Ферро, напрашиваются и в отношении Франции. Франция, оказавшаяся среди стран победительниц по итогам Первой мировой войны* отмечает он, получила своеобразный реванш: после этого почти пятьдесят лет ожиданий она возвращает себе Эльзас и Лотарингию как компенсацию «моральных страданий после Договора 1871 года. Франция была довольна результатами войны и стремилась, более чем кто-либо другой, максимально ослабить Германию. Во Франции хорошо понимали, что в случае восстановления Германии рассчитывать на чью-либо помощь уже не придётся. Французы не хотели снова воевать, французы не доверяли англичанам: они хотели использовать исторический шанс, чтобы устранить последнего и крайне опасного врага. Пока державы-победительницы решали, что делать с Германией, и каждый преследовал собственные интересы, в Германии реализовался худший сценарий развития событий: союзники решили не принимать никакого конкретного решения. В результате невнятной позиции союзников по отношению к немцам и продолжающегося раздела сфер влияния в мировой политике, в Германии созрели реваншистские настроения и нацисты смогли прийти к власти. Как

подчеркивает М. Ферро, приход к власти Гитлера произошел на волне национал-социализма, который продемонстрировал по сравнению с Веймарской республикой чёткую политическую позицию. Из проведенного М. Ферро анализа довоенных событий становится наглядно, что тайны исторической правды начинаются там, где существуют «трудные моменты» прошлого. Именно они зачастую являются объектом политического манипулирования. Это определяет гражданскую позицию историков противостоять «злоупотреблениям памятью»⁷⁴.

Как рождаются проблемы «злоупотребления памятью» или «закрытых» для обсуждения тем в истории, показывает Марком Ферро в книгах «Табу истории» и «История под надзором». В книге «Табу истории» он вспоминает о том, как впервые столкнулся с этой темой. Приглашенный на телепередачу, посвященную Жанне д'Арк в качестве эксперта в области кино, он не сумел выступить с критикой официальной точки зрения лишь потому, что внезапно понял, какое огромное значение имеет для французов образ этой женщины. Однако вариации в анализе фактов и событий стали для Ферро необходимым элементом критической оценки истории. Не потому, что мы не можем доказать, что Жанна д'Арк слышала голоса, и неизвестно говорила она правду или нет, а потому, что эта «правда» постоянно обновляет своё содержание.

Конечно, история может приобретать другие характеристики вследствие того, что каждая эпоха диктует свои задачи. Не случайно, официальная история всё чаще рассматривается как часть дискурса об общей истории. По этой причине, подчеркивает М. Ферро, те, кто ставил в своих исследованиях цель закрепления «универсальных ценностей», всеобщий характер которых сегодня ставится под вопрос, вынуждены вести диалог и признавать другие точки зрения. В настоящее время универсальные энциклопедии и учебники, разделяющие взгляды на историю древнего Египта и Греции, Рима или Византии, выступают лишь предметно-научным обобщением и средством репрезентации истории этих народов, но не являются историей как таковой. Из наиболее обсуждаемых вопросов сегодня становятся вопросы о том, какие у нас сегодня есть знания, подчёркивает М. Ферро, и как возможно, с их помощью, увидеть прошлое «объективно» .

⁷⁴ Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: курс лекций / Б.Г. Могильницкий. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. Вып. 3: Историко-географическая революция. С. 292.

⁹⁰ Ferro M. L'histoire sous surveillance. Science et conscience de l'histoire / M. Ferro. Paris: Calmann-Levy, 1994. P. 166.

Такие процессы характерны для каждого общества и государства, но они не должны быть следствием связи истории с идеологией. Об этом говорит не только М. Ферро. «Сегодня во Франции, как в области кино, так и в области политики, обозначена проблема - уравнивать источники, классифицировать их и сделать доступными. Политика секретности информации по-прежнему не преодолена даже в истории экономики. История развития малых предприятий очень хорошо подтверждает это мнение, поскольку там было столько нарушений, что никто не хочет предавать это гласности», - пишет М. Лани⁶. Эта точка зрения отражает критику тезиса о том, что историк должен быть заинтересован в оценке, что было вредно, а что полезно знать о прошлом общества и государства.

То, что социальные институты и политические учреждения создают свои базовые доктрины, которые определяют, кто и как должен оформлять официальную историю, нет ничего удивительного. Однако это не исключает возможного пересмотра взглядов на историю. «Независимо от того, кто стоит на государственной службе: церковь, ислам или партия, институциональная история всегда вносит в историю собственные решения о её изменениях» - писал М. Ферро⁷⁷. Эти решения означают контроль «сверху»; который постоянно развивается, меняя систему ссылок и сценариев, что, подчас, вызывает и обратный эффект.

Часто официальная версия истории сама стимулирует историка к её критическому восприятию. Между мифом, который создаётся о событиях на основе «священных» текстов, и самой революцией, отмечает М. Ферро, есть такое же глубокое различие, как между действительностью средних веков и жизнью святых. «В сравнении с триумфальным шествием советской власти, о которой говорили большевики, картина нового общества выглядит подчас полной противоположностью», - пишет он о событиях в России начала XX века⁷⁸. Иначе говоря, изучение истории из официальных источников, которые находятся под контролем политических институтов, никогда не даёт нам всей исторической правды. В зависимости от характера миссии, в зависимости от времени, историк выбирает определённый вид источников: так он следует тому или иному методу и установкам; но если они изменяются, историк меняет «оружие и тактику» исследования.

Lagny M. Histoire et cinema, des amours difficiles./ CinemAction, 47, S. 73-78.

⁷⁷ *Ferro M. Les tabous de l'Histoire // M. Ferro. Paris: NiL editions, 2002. P. 19.*

⁷⁸ *Ферро М. Николай II // М. Ферро. М.: Международные отношения, 1991. С. 329.; Ferro M. Les tabous de l'Histoire // M. Ferro. Paris: NiL editions, 2002. P. 14.*

Литература

Гриценко Н.В. Историческое время в социально-философском контексте: диссертация кандидата философских наук: 09.00. П Историческое время в социально-философском контексте: Таганрог, 2004

Калимонов И.К. Опорная точка прагматического поворота и интерпретация в гуманитарных науках: эволюция теоретических представлений во французской исторической мысли конца XX века / И.К. Калимонов // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. - 2010. - Т. 152, № 31.

Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: курс лекций / Б.Г. Могильницкий. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. - Вып. 3: Историографическая революция.

Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: РГГУ, 2000.

Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.

Ферро М. Николай II. М.: Международные отношения, 1991.

Angelika Schindler, ARTE Deutschland TV, 20.07.2004.

Chartier R. Histoire intellectuelle et histoire des mentalites: Trajectoires et questions: Revue de synthese 104 (1983,3 e serie).

Dosse F. L'Empire du sens: L'humanisation des sciences humaines. Paris: Edition La Decouverte & Syros, 1995, 1997
Ferro M. Les individus face aux crises du XXe siecle-L'Histoire anonyme.- Paris: Odile Jacob, 2005.

Ferro M. Histoire de France. -Paris, 2001.

Ferro M. Les tabous de l'Histoire / М. Ferro. - Paris: NiL editions, 2002.

Ferro M. L'histoire sous surveillance. Science et conscience de l'histoire / М. Ferro. - Paris: Calmann-Lévy, 1994.

Ferro M. «de Braudel a Histoire parallele » (entretien par Francois Garcon et Pierre Sorlin), in «Cinema et Histoire autour de Marc Ferro », Francois Garcon, Cinemaction. Editions Corlet Telerama, 1992.

Ferro M. The fiction film and historical analysis. In: Smith, P. (Hg.): The Historian and Film. Cambridge, 1976.

Ferro M. Les individus face aux crises du XXe siecle-L'Histoire anonyme. P.: Odile Jacob, 2005.

Lagny M. Histoire et cinema, des amours difficiles./ CinemAction, 47
he GoffJ. History and Memory. New York, 1992.

Сведения об авторах

Байтеева Марина Владимировна - к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института Российской Правовой академии Министерства юстиции РФ, info@kazanpra.ru

Бобкова Марина Станиславовна - д.и.н., руководитель Центра истории исторического знания, главный научный сотрудник ИВИ РАН, bobkova_marina@list.ru

Буллер Андреас - доктор философии, Штутгарт, Германия, andreas.buller@gmail.com

Войтов Николай Владимирович - бакалавр факультета Международных отношений МГИМО (У) МИД России, nwoitov@gmail.com

Геворкян Артур Рудольфович - к.филос.н., старший преподаватель философского факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, argevorkyan@yandex.ru

Гобозов Иван Аршакович - д.фшос.н., академик РАЕН, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, главный редактор журнала «Философия и общество», arch@gcnet.ru

Гринченко Сергей Николаевич-д.т.н., профессор, главный научный сотрудник Института проблем информатики РАН, sgrinchenko@ipiran.ru

Денежкина Елена - д.и.н., Бирмингемский Университет, Великобритания, e.denezhkma@bham.ac.uk

Калимонов Ильдар Кимович - к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории Казанского государственного университета, kalimonov@mail.ru

Кузьмина Маргарита Владимировна - к.и.н., старший научный сотрудник ИВИ РАН, kuzmmargarita@yandex.ru

Кукарцева Марина Алексеевна - д. философ.н., профессор Дипломатической Академии МИД РФ, mkukartseva@gmail.com

Лабутина Татьяна Леонидовна - д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, tlabutina2007@yandex.ru

Марьян Павел Юрьевич - аспирант, Казанский государственный университет

Метлов Владимир Иванович - д.фшос.н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, vimetlov@gmail.com

Микешина Людмила Александровна - д.фшос.н., профессор, зав. кафедрой философии Московского педагогического государственного университета,

^_*eh<p©¥@ffiatbfl-